

П Р О Ж И Т К О В А

В трудовом списке Бориса Житкова очень много профессий. Он был моряком, плавал штурманом парусного судна, рыбачил, был инженером-кораблестроителем. Писать для детей он начал сравнительно поздно. Но никогда не поздно сказать еще не сказанные слова о том, что Борис Житков — настоящий, большой, прирожденный детский писатель. Поэтому материалом его призвания является не только опыт его прежних профессий, но и неисчерпаемый опыт детства.

Борис Житков не спрашивает, о чем рассказать. Он рассказывает не «о», а «про». «Про эту книжку», «Про слона», «Про обезьянку», «Про волка». Мелочь? Но в этой мелочи, в этой манере называть свои вещи находит выражение основной творческий принцип писателя: его **целестремленная конкретность**. Не вообще про слона, не о каком-то там зоологическом понятии слона, а про того самого живого, «всамделишного» слона, которого он видел своими собственными глазами. «Запросто идет по дороге». Пусть даже не видел, но расскажет то он про него так, как о вполне реальном событии в своей жизни. Именно, как о событии; шутка ли — настоящий слон на свободе! И тут все — описание внешности слона, неподдельное восхищение его силой и умом, искренний, воодушевленный строй речи — будет ородни детским чувствам. И если уж про слона, — так **только** про слона: с той абсолютной полнотой заинтересованности своим предметом, которая составляет основу детского образного познания мира. И ребята слушают, затаив дыхание.

Ни с какими другими не спутаешь житковские книжки для детей по вопросам техники. Он ограничивает себя в них — и прикладной трактовкой темы, и отказом от широких

идейных выводов. В этих книжках Житков — практик, а не теоретик. Он не хочет опережать влияния школы, которая должна научить детей, как факты укладываются в систему. Но он помогает школе тем, что в его книжках отвлеченный или сухой факт становится — ну, как на ладони! И вместе со своим маленьким читателем Житков удивляется ему, ломает себе голову над тем, чтобы до конца и практически его осмыслить и, завернув рукава, в работе, в полной нагрузке всех своих внешних чувств, в непосредственном восхищении творческой силой человеческой мысли он добирается до сути дела.

Но полнее всего писательские качества Житкова раскрываются в его детской беллетристике. Два сборника — «**Рассказы о животных**» и «**Морские рассказы**», изданные в этом году Детгизом и подводящие итоги многолетней творческой дружбы Житкова с детьми, станут — и стали — любимыми детскими книгами.

В каждой из них есть страницы прямо превосходные. О них-то и следовало бы поговорить в первую очередь. Но чтобы не примешивать потом в их оценку ложку дегтя, скажем сначала несколько слов о страницах, которые являются крупной неудачей Житкова. А заодно — и о вполне доброкачественных страницах, но принадлежащих не вполне самостоятельному, мибриднему жанру.

«Удав» — называется повесть, вызвавшая справедливые нарекания педагогов. Речь идет о кассире, о его картежной страсти, о том, как он мучил себя и свою семью, как он проиграл казенные деньги, скрывался, как он «искупал свою вину» черной работой в цирке и т. д. и т. д., — типичнейшая психологическая повесть без надрыва. Нет даже необходимости тыкать пальцем в ее сомнительные детали — настолько

очевидна порочность ее замысла в целом. Житков писал ее, вероятно, с увлечением и стараясь соблюдать детскую меру понимания взрослых чувств. Но увлекательность повести и детскость ее формы еще нагляднее выявили органические недостатки содержания.

Это очень прискорбный случай в писательской практике Житкова, когда он внес в адресованную детям вещь — подлаясь его же словами — «тяжелый дух взрослого». А редактору сборника ничем не сумел Житкову помочь.

Но соглашаясь с педагогами в отрицательной оценке «Удава», нельзя согласиться с их оценкой повести «Черные паруса». Им она нравится, вероятно, больше, чем самому Житкову. В статье «Что нужно взрослым от детской книги» («Звезда», 1933, № 7) он писал о книгах «с приманочкой». О тех, которые педагоги охотно дают ребятам. «Они, мол, дураки, думают, что про разбойников читают, а на деле-то географические названия вдалбливаются». Вот такая же повесть «с приманочкой» — «Черные паруса». Ребята думают, что читают про приключения запорожского казака, а на деле-то «вдалбливаются» морские термины. И хотя Житков сделал все, что мог — очень многое, — чтобы добиться естественного и непринужденного развития повести, она остается довольно однообразной и скучноватой. В чисто технических книжках Житкова неизмеримо больше выдумки, как в его беллетристике неизмеримо больше пластичности познавательных образов.

Сделав эти оговорки, можно смело сказать, что оба сборника Житкова — отличного художественного уровня.

Особенно хороши его рассказы про животных. Они написаны от первого лица, и это не только прием литературного оживления материала, но и

мера авторской искренности. Житков искренен дважды: он с действительным, а не деланным интересом разговаривает с детьми — и разговаривает он о том, что интересно ему самому. А ведь многие детские писатели — не обязательно плохие — уме не прикинуться заинтересованным, когда скука сковывает перо, считают высокой профессиональной добродетелью. Житков же знает: если взрослому писателю скучно писать, то маленькому читателю будет скучно читать, как ни талантливо преодолевает писатель свою скуку.

И не нужно никаких сюжетных изощрений. Дети живут в том же самом мире, как и взрослые. Но у них есть своя точка зрения на вещи, которая может быть, несколько схематизируя мир, никогда не бывает равнодушной, а всегда действительна и всегда творчески отзывчива на все новое. Поэтому, для того, чтобы равноправно разговаривать с детьми, мало упростить свой словарь и свои чувства до уровня детских, — нужно еще **обогащать** их детской свежестью восприятия. И тогда мир снова будет полновечным и содержательным в каждой своей детали.

Сюжет любого рассказа Житкова можно изложить в двух-трех словах. Ну, вот он, взрослый человек, приезжает на пароходе в Индию и, прогуливаясь за городом, видит, как работают на индусов слоны и как к ним относятся люди («Про слона»). Или вот он рассказывает про волка, которого он когда-то воспитывал у себя дома, пока его не отобрали полиция («Про волка»). Или про обезьянку — про ее проказы и провинности в доме двенадцатилетнего героя («Про обезьянку»). Или наконец вспоминает о том, как в детстве он со своей маленькой сестренкой вырвал нечаянно из чужой шубы меховой хвостик, как они с этим хвостиком играли и чем все это кончилось («Пудя»).

Но во всех этих рассказах так много полноты переживаний, и такой подлинной детскостью насыщены их образы, что незначительная, казалось бы, тема становится яркой, глубокой и занимательной от первого до последнего слова. При этом Житков вовсе не отказывается от знаний взрослого. О животных из его рассказов дети узнают больше, чем из учебника зоологии.

В «Морских рассказах» Житков ближе к каноническим формам детской беллетристики. Но и в них его личные интонации, живой, непринужденный разговорный язык придают особенную теплоту каждому сюжету. Здесь Житков иногда «сочиняет», т. е. пишет на темы, которые в его собственном душевном опыте никак не значатся. Пожалеть ли об этом? Правда, какие-то почти неумовимые признаки позволяют безошибочно определить, где Житков рассказывает о том, что он чувствует, и где о том, что он всего лишь знает или художественно себе представляет. Рассказы первого порядка полнокровнее и ярче, чем рассказы второго. Но Житков — настоящий мастер, любовно понимающий свой материал, и плохих рассказов в его сборнике нет.

Пожалеть нужно о другом. О консервативности опыта Житкова в той области, в которой он, как писатель, особенно силен, — в области детской психологии. Житков рассказывает о детях безукоризненно, но он рассказывает о детях вообще, о детях по воспоминаниям о детстве. А между тем всей направленностью своего творчества и всем строем своей художественной речи Житков обращен к нашим сегодняшним, советским ребятам. Вот этих-то ребят, которых он вплотную ощущает как читателей и собеседников, хотелось бы увидеть в числе его героев.